

Санкт-Петербургская православная духовная академия

Архив журнала «Христианское чтение»

Архиепископ Константин (Горянов)

Становление личности в духовных
школах: святой праведный Иоанн
Кронштадтский и Георгий Гапон

Опубликовано:

Христианское чтение. 2007. № 28. С. 4-37

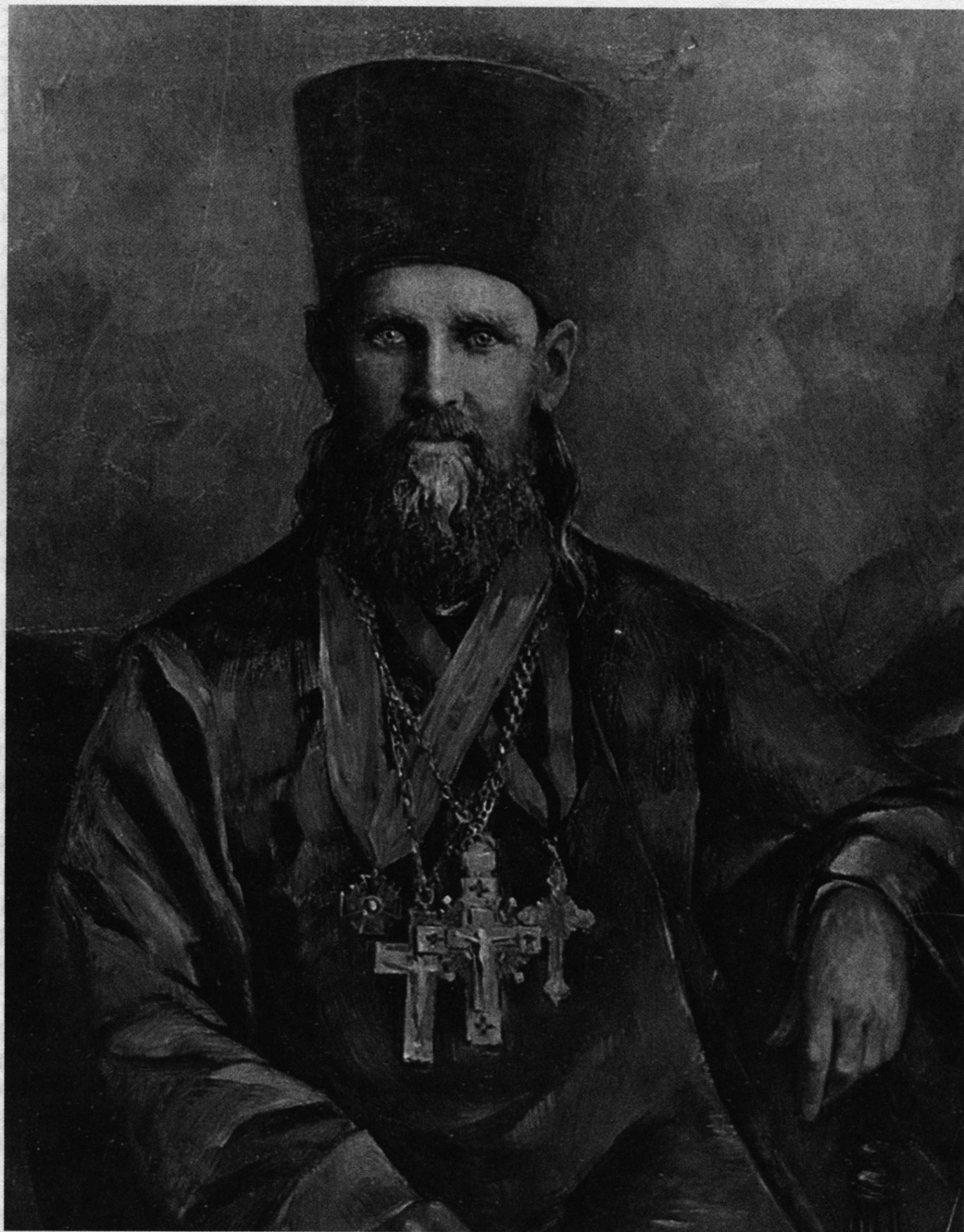
© Сканирование и создание электронного варианта:

Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2013. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА

Санкт-Петербург

2013

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Профессор П.А.П. Давыдов

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В ДУХОВНЫХ ШКОЛАХ: СВЯТОЙ ПРАВЕДНЫЙ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ И ГЕОРГИЙ ГАПОН

Узловые моменты в хитросплетенной исторической сетке всегда связаны с именами знаменитых личностей, которые являются, чаще всего, предводителями и учителями народных масс, и без этих масс их деятельность не имеет смысла. Но и движение народа, кажется, не имеет смысла, если его рассматривать только с материалистических позиций, подобно биологической или географической истории Земли.

Если же взять во внимание одну человеческую личность и рассмотреть вне зависимости от других, то покажется, что она абсолютно свободна и может руководствоваться лишь своей волей. Если же эту личность рассматривать в связи с другими такими же личностями, то становится очевидно действие непреложных законов, ограничивающих ее свободу.

Личность обладает природой, но в определенном смысле она свободна по отношению к природе. Но именно в таком «несвободном» состоянии личность, непримиримая к роли бездушного элемента природы, все более стремится к пониманию разумного смысла своего бытия, причем, без помощи органов внешних чувств, т.е. внутренним познанием, которым познает самое себя и Божественный о себе замысел.

Для исследования этого непростого процесса следует уяснить, что же такое — личность?

I

Психическая реальность, описываемая термином «личность», проявляется уже в самой этимологии этого слова. Первоначально этот термин «лицо» (греч. πρόσωπον — просопон) относился к актерским маскам, личинам, которые в античном театре были закреплены за определенными типами действующих лиц. Впоследствии это слово стало означать самого актера и его роль. Латинское *persona* употреблялось обязательно с указанием общественной значимости героя, так что изначально под личностью понималась социальная роль человека.

Постепенно это понятие в философской литературе наполнялось все большим многообразием смысловых значений, оттенки и диапазон которых в определенной мере специфичны для национального языка и конкретной философской системы.

Важно отметить, что «понятие личности появилось не сразу, а складывалось медленно и постепенно — по мере формирования самой личности как социально-культурного явления. Причем сравнительно-исторические исследования показывают, что и в Европе феномен личности не существовал до христианства, в том числе и в Древней Греции...

Именно благодаря христианству образовался сам «феномен личности — человека как уникального существа, ценность которого определяется чем-то более высшим, чем принадлежностью к роду, к «государству-городу» или «патриархальной деспотии» востока»¹.

В светской науке — психологии, социологии — эволюция понятия «личность» дала импульс для развития представлений о ней самой, как системе ролевого поведения, в которой эта личность характеризуется, главным образом, выполняемой социальной ролью.

Однако такой подход подвергался критике, как со стороны самих психологов, так и философов. Ведь для понимания существа личности определяющее значение имеет выбор, принятие и исполнение человеком определенных социальных действий, внутреннее отношение к ним.

Человек, как личность, свободно и осознанно принимает ту или иную социальную роль, сознает возможные последствия своих действий при ее осуществлении и принимает всю полноту ответственности за свои поступки: «человек должен сам заложить основу своего будущего явления, как человека; он должен сам, через «духовные упражнения» соткать ткань, в которую облечется в будущем»². С точки зрения психологии процесс становления личности осуществляется в многообразных социальных связях и отношениях на протяжении всей жизни человека.

Особенно гармонично происходит становление личности в христианстве, где человек понимается не как случайный росток, удачная ветвь эволюционирующей природы, а как носитель Божественного образа, — образа Того, Кто Сам является Личностью и позволяет наследовать это свойство человеку. С точки зрения богословия процесс становления личности рассматривается как процесс общения с Богом. Человек — «пред-личность», которая в процессе предстояния перед Лицом Божиим, в процессе общения с Личностью, сам становится личностью³.

В человеке есть безусловное, надприродное начало, — писал В. Несмелов, — разум, самосознание, свобода и нравственность — значит, безусловное начало есть и вне человека. В природе все существует и движется по законам гравитации, физики, химии, биологии: все

¹ Зенько Ю.М. Основы христианской антропологии и психологии. — СПб: Речь, 2007, с. 250.

² Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология развития человека. М.: Школьная пресса, 2000, с. 17.

³ Иоанн (Зизюлас), митр. Личность и бытие // Начало. СПб., 1998, с. 6.

детерминировано — свобода и нравственность в природе (вне человека) отсутствует. Человек сознает себя личностью высшего порядка, а не вещью природного порядка, и это сознание не могло возникнуть из мира вещей, из порядка низшей природы. Сознание своего богоподобия — есть сознание не от мира сего.

Виктор Иванович Несмелов (1863–1937), известный христианский богослов и философ, профессор Казанской духовной академии в своем фундаментальном труде «Наука о человеке» выдвинул небывалую идею религиозной антропологии, заключающуюся в том, что человеческая личность является не зеркалом по отношению к Богу, а самим изображением Бога, и «образ Божий в человеке не возникает под формою какого-нибудь явления сознания, а представляется самою человеческою личностью во всем объеме ее природного содержания, так что это содержание непосредственно открывает нам истинную природу Бога, каким Он существует в Себе Самом»⁴. Человек лишь потому существует в качестве личности, что отображает в себе Безусловную Сущность и Личность. Истина бытия Божия утверждается здесь на неизвестных ранее основаниях.

Мысль Несмелова, что образ Божий отображается не в какой-либо одной составляющей человека, например, в уме, а в совокупности всех проявлений личности — продолжается в православной концепции «богословия образа»⁵.

Образ Божий в человеке не может быть объективирован или превращен в атрибут какой-либо одной только части человеческого существа.

«Быть по образу Божию, утверждают в конечном своем анализе отцы, значит быть существом личным, то есть существом свободным, ответственным. Можно было бы спросить, почему же Бог создал человека свободным и ответственным? Именно потому, что Он хотел призвать его к высочайшему дару — обожению, то есть к тому, чтобы человек в устремлении бесконечном, как бесконечен Сам Бог, становился по благодати тем, что Бог есть по Своей природе. Но этот зов требует свободного ответа. Бог хочет, чтобы порыв этот был порывом любви. Соединение без любви было бы механическим, а любовь предполагает свободу, возможность выбора и отказа»⁶.

Само наличие и возможность свободы предполагает и возможность бунта.

⁴ Несмелов В.И. Наука о человеке. Т.1. Казань, 1905, с. 270.

⁵ Константин (Горянов), еп. Жизнь и творчество Виктора Несмелова // ЖМП, 1996, № 7, с. 55–62.

⁶ Лосский В. Н. Догматическое богословие // Богословские Труды, Сб.8., М.: Издание Московской Патриархии, 1972, с. 156.

«Только сопротивление свободы придает смысл согласию... — говорит В. Лосский. — Личное существо способно любить кого-то больше собственной своей природы, больше собственной своей жизни. Таким образом, личность, этот образ Божий в человеке, есть свобода человека по отношению к своей природе»⁷.

Ну, а профессор В.И. Несмелов, анализируя связь между богопознанием и самосознанием человека, приходит к выводу, что Бог принудительно не вкладывает идею о Себе в человеческий разум. Такое заявление, указывающее на достаточно большую свободу человеческой личности, может служить против самих защитников религии, ибо возникает вопрос, почему Бог не может дать всем людям правильное понятие о Себе. Несмелов заявляет, что образ Бога вовсе не дан человеку в готовом понятии, познание Бога происходит в процессе самосознания человеческой личности, и наоборот, «думая о Боге, человек думает о себе самом, и религиозное сознание человека в действительности всегда и непременно является составной частью его самосознания»⁸.

Именно поэтому можно утверждать, что атеизм по своему существу является не доктриной, а психологическим настроением человека. Вопрос о бытии и познании Бога является для человека вечным вопросом жизни. Сколько и как не решали бы его другие люди, каждое человеческое «Я» все-таки снова ставит его, потому что это вопрос не внешнего знания, а личного самосознания и жизни каждого отдельного человека⁹.

Таким образом, личность есть высочайшее творение Божие именно потому, что Бог вкладывает в нее способность любви — следовательно, и отказа. Но возникает закономерный и справедливый вопрос, почему Бог подвергает риску вечной гибели Свое творение — человека? Именно для того, чтобы оно стало совершеннейшим.

«В самом своем величии — в способности стать Богом — человек способен к падению, — утверждает В. Лосский, — но без этой способности пасть нет и величия. Поэтому, как утверждают отцы, человек должен пройти через испытание, реига, чтобы обрести сознание своей свободы, сознание той свободной любви, которой ждет от него Бог»¹⁰.

Рассмотрим, исходя из этих установок, как формировались характеры, системы жизненных ценностей двух конкретных людей, сыгравших важную роль в переломный предреволюционный период истории

---

⁷ Лосский В. Н. Там же, с. 156.

⁸ Несмелов В.И. Наука о человеке. Т.1. Казань, 1905, с. 280.

⁹ См.: *Константин (Горянов), еп.* Жизнь и творчество Виктора Несмелова // Вестник Белорусского Экзархата. №5, 1990, с. 32–36, №6, 1991, с. 40–44.

¹⁰ Лосский В.Н. Там же, с. 157.

России. Это святой праведный Иоанн Кронштадтский (1828–1909), все-российский пастырь, великий молитвенник и чудотворец, предсказавший трагические события русской истории XX века, и Георгий Гапон (1870–1906). Как утверждает исследователь жизни и деятельности последнего: «Можно с уверенностью сказать, что в 1905–1906 годах ни одно русское имя не вызывало во всей Европе столь же жгучего интереса, как имя Георгия Гапона. Его превозносили, его низвергали, на него клеветали»¹¹.

Бездна, разделяющая святого Иоанна Кронштадтского и о. Георгия Гапона (лишенного сана в 1905 г.), ставшего провокатором и одним из растлителей народного духа, — слишком очевидна, чтобы лишний раз заострять на ней внимание.

Но интересно, что изначально между ними было много общего.

Судьба, словно для проверки духа каждого, дала обоим одинаковый старт. Оба начинали примерно в равных условиях, как многие их сверстники... Оба — выходцы из провинциальной глубинки, из бедных семей, окончили духовные училища, семинарии, являлись выпускниками Санкт-Петербургской духовной академии. Оба — священники, в какой-то период одновременно служившие в Санкт-Петербурге, знавшие друг друга и вместе литургисавшие.

II

Святой праведный Иоанн Кронштадтский родился в селе Сура Пинежского уезда Архангельской губернии 19 декабря 1828 года в семье бедного причетника Ильи Михайловича Сергиева (1808–1851)¹². Позже о. Иоанн в автобиографии напишет:

«С самого раннего детства родители приучили меня к молитве... Евангелие было спутником моего детства, моим наставником, руководителем и утешителем...». Грамота давалась ему тяжело, «но, будучи приучен отцом и матерью к молитве, скорбя о неудачах своего учения, я горячо молился Богу, чтобы Он дал мне разум, и я помню, как вдруг спала точно пелена с моего ума, и я стал хорошо понимать учение. На десятом году меня повезли в Архангельское приходское училище»¹³.

---

¹¹ Кавторин В.В. Первый шаг к катастрофе: 9 января 1905 года. — Л.: Лениздат, 1992. — с. 227.

¹² Наиболее полную биографию см.: *Вениамин (Федченков), митр. Отец Иоанн Кронштадтский*. СПб.; Кронштадт: Воскресение, 2000.

¹³ Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев. Сост. и комм.: А.Н.Стрижев. М.: Изд-во Отчий дом, 1997. — С.14. Примечание: Цитируемая автобиография незначительно отличается от автобиографии, помещенной в издании: Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский. Воспоминания самовидцев. М.: Изд-во «Отчий дом», 2004. с. 8–9.

Училище это будущий «всероссийский батюшка» окончил в 1845 году уже в числе успевающих и был «назначен к поступлению в Архангельскую семинарию»¹⁴.

Административно Архангельская семинария была причислена к Петербургскому духовному округу и находилась в зависимости от столичной Духовной академии. В организационном отношении духовные учебные заведения Архангельска после реформы 1809 года представляли собой трехступенчатую структуру, включавшую в себя Архангельскую духовную семинарию и подведомственные ей училища: приходское и уездное.

Каждая из трех названных ступеней служила подготовительным этапом к последующей и, в свою очередь, делилась на «отделения» или «классы». Так, в приходском духовном училище было два класса — младший и старший, или первый и второй, в которых дети обучались часослову, псалтыри, чистописанию, правописанию, грамматическому разбору, арифметике, священной истории, сокращенному катехизису и нотному обиходу.

Уездное духовное училище состояло из двух двухгодичных отделений — высшего и низшего. В течение четырех лет ученики изучали российскую и славянскую грамматику, арифметику, священную историю, пространный катехизис, географию, устав, нотное пение, латинский и греческий языки.

Обучение в семинарии длилось 6 лет, оно было также разделено на три двухгодичных цикла, или отделения. В низшем отделении больший упор делался на изучении риторики и поэзии, а потому обучающиеся на нем студенты назывались «учениками словесности». В среднем — «философском» отделении курс наук дополнялся патристикой, философией, психологией, герменевтикой, логикой, естественными науками и сельским хозяйством. В высшем — «богословском» отделении, помимо продолжения изучения многих уже названных дисциплин, уделялось особое внимание богословским наукам и изучению иностранных языков (французского, немецкого или еврейского)¹⁵.

В отдельные периоды преподавалась медицина, т.к. врачи, фельдшера располагались в более крупных населенных пунктах и требовали за визит значительных гонораров, а у крестьян не всегда на это находились средства. Поэтому священникам часто приходилось выполнять функции врача.

---

¹⁴ *Вениамин (Федченков), митр.* Там же, с. 56.

¹⁵ *Балакишина Ю.В.* Годы учения отца Иоанна Кронштадтского в Архангельских духовных школах (1838–1851) // *Альманах Кронштадтский пастырь.* Вып.2. М.: Изд-во Отчий дом (в печати).

Семинарская программа была высочайше утверждена и обязательна для выполнения.

Обучение в семинарии не было бесплатным, частично оно оплачивалось государством, а частично — родителями. Ученики, оплата содержания которых в духовных школах полностью шла из казны, назывались «бурсаками»; наполовину — «полубурсаками»; остальные находились «на коште родителей». Число бурсачных и полубурсачных мест было строго ограничено, а священно- и церковнослужителей, по бедности не имевших возможности платить за обучение своих детей, всегда находилось гораздо больше. На учебу не хватало средств, воспитанники ходили по разным учреждениям и в канцеляриях выпрашивали себе бумаги для переписывания.

В столичных семинариях была также распространена практика именных стипендий, когда обучение лучших или беднейших учеников оплачивалось каким-либо значительным и состоятельным лицом. В Архангельской духовной семинарии была учреждена только архиерейская стипендия. Иван Сергиев стал ее стипендиатом в 1850—51 учебном году.

Спустя полвека, в 1900-е годы, получив уже всероссийскую известность, о. Иоанн смог материально помогать таким же бедным студентам, каким когда-то был он сам, и учредил ряд стипендий в различных духовных учреждениях страны, в том числе и в Архангельской семинарии.

Надо отметить, что в 40-е годы в духовных училищах Архангельска обучались сразу два брата Сергиевых — будущий о. Иоанн Кронштадтский и его младший брат, тоже Иван. Родители дали второму сыну такое же имя, как и первому, поскольку надежда на то, что болезненный и слабый старший Иван останется жив, была слишком мала.

Когда обучался только старший Иван, его отцу еще удавалось собрать денег на учебу. Когда же в училище поступил еще и младший сын, положение стало критическим¹⁶.

Тем не менее, Иван Сергиев в 1845 году успешно оканчивает Высшее отделение Архангельского духовного уездного училища и поступает в низшее отделение Семинарии. И в июле этого же года епископ Архангельский и Холмогорский Георгий утвердил Ивана Сергиева, студента Семинарии, писцом уездного училища с положением скромного жалованья по 17 рублей 16 коп. в год, т.е. по 1 рублю 43 копейки в месяц, что уже было большим успехом. Но обязанности письмоводителя Иван Сергиев исполнял очень недолго. 30 июля 1845 г. на Архангельской

---

¹⁶ См. приложение I.

кафедре сменился епископ. Место преосвященного Георгия (Ящуржинского), утверждавшего Ивана в должности писца, занял преосвященный Варлаам (Успенский). И уже в январе 1846 г. епископ Варлаам устно предложил семинарскому правлению найти на должность писца нового ученика. Истинные причины такого решения неизвестны.

Однако, несмотря на все трудности, за годы обучения в Семинарии Иван Сергиев зарекомендовал себя весьма способным и примерным воспитанником, в результате чего он был даже назначен «старшим над архиерейскими певчими». Правда, по воспоминаниям о. Иоанна, эта должность «над самой некультурной, пьяной и распущенной в последнее время частью бурсы» едва не сгубила его.

Претерпевая всевозможные испытания и искушения, Иван Сергиев в 1851 году закачивает Семинарию первым учеником выпуска. И именно ему выпала честь от лица выпускников произнести речь.

Как подчеркивает митрополит Вениамин: «В его речи уже виден будущий человек «опыта», а не только знаний; уже наметился пастырь-молитвенник. Нередко мы в юности склонны бываем критиковать наших отцов, не так было у Ивана Сергиева... Благодарит сначала архиерея, как высокого отца за «неоцененные блага образования». Кто читал творения отца Иоанна, особенно его «Дневник», тот знает, как высоко всегда отзывался он о богословском образовании; никогда он не унижал его... А потом будущий всероссийский молитвенник и чудотворец обещает — от лица всех окончивших курс — молиться перед престолом Божиим за архипастыря своего, зная, что почти все они, хоть не все в одно время, будут служителями алтарей. Не всем известно, что в мои годы на это служение уходили от 10 до 20 %, а в академии даже и менее: во время же отца Иоанна «почти все» ... И — Правдою Божиею — были наши школы закрыты потом, как «малоплодные смоковницы»»¹⁷.

Отец Ивана Сергиева, Илья Михайлович, скончался, когда юноша заканчивал семинарию. Его мать, Феодора Власьевна (1808–1871), осталась вдовой с двумя дочерьми, поэтому Иван сразу же хотел пойти на приход псаломщиком, чтобы содержать семью.

Однако решительная мать настояла, чтобы ее сын, первый ученик, по направлению ехал на учебу в Санкт-Петербургскую Духовную Академию. И 28 июля того же года будущий пастырь выехал из Архангельска в Санкт-Петербург¹⁸...

¹⁷ Вениамин (Федченков), митр. Там же, с. 24–25. Примечание: Митрополит Вениамин сравнивает со временем своего обучения в Тамбовской духовной семинарии (1897–1901), а затем в Санкт-Петербургской духовной академии (1903–1907); в 1911 году он был назначен на должность инспектора Санкт-Петербургской духовной семинарии.

¹⁸ Более подробно об учебе в Архангельских духовных школах см.: Балакина Ю.В. Там же.

III

Теперь обратимся к жизненному пути Георгия Гапона.

Он родился 5 февраля 1870 года на Полтавщине в селе Беляки.

Отец — Аполлон Федорович, — казак, мать — крестьянка. Семья верующая, православная, и Георгий с детства был весьма религиозен. Дед часто рассказывал ему жития святых, которые на семилетнего мальчика оказывали такое влияние, что он, молясь, часами простаивал со слезами на глазах перед иконами.

Его отца 35 лет подряд выбирали волостным писарем, но он никогда не брал взяток и, окончив службу, оказался беднее, чем был раньше.

Честность унаследовал и сын. Позже, когда Г. Гапон стал известным священником, через него проходили значительные благотворительные финансовые суммы, но никто из соратников не мог его упрекнуть в воровстве.

Гапон в мемуарах с гордостью пишет о своем отце и с болью о своей Родине: «Вопреки крестьянскому обыкновению, отец никогда не бил детей. Из его разговоров я узнал о всех несправедливостях, сделанных властью по отношению крестьян, узнал о том, как каждый вершок Украины, теперь отданный правительством разным туеядцам, был полит кровью казаков, сражавшихся за свободу и народное благо и служивших оплотом западному христианству против турок и татар с Востока»¹⁹.

Мы видим, что Георгий Гапон, как и Иоанн Кронштадский, тоже был выходцем из провинциальной глубинки, из бедной семьи. Как и Иоанн Кронштадтский он окончит духовное училище, семинарию, а потом и Санкт-Петербургскую духовную академию, и примет сан священника.

Базовые условия жизни этих двух людей подобны.

Но, возникает вопрос, почему сформировались противоположные друг другу характеры?

Попробуем изложить в сравнительном аспекте основные вехи биографии св. Иоанна Кронштадтского и о. Георгия Гапона, останавливаясь на тех моментах, которые являются наиболее существенными и имеют непосредственное отношение к раскрытию их взглядов и деятельности.

Особенную роль в развитии личности имеют, по слову святителя Феофана Затворника, юношеские годы, когда происходит определение целевой установки человека в основном на всю оставшуюся жизнь²⁰.

¹⁹ Гапон Г. История моей жизни. «Русский летописец». М.: Книга, 1990, с. 4. Мемуары написаны Гапоном в мае-июне 1905 года в Лондоне по заказу издательства. Это практически единственный источник, повествующий о детских годах Г. Гапона.

²⁰ Епископ Феофан (Говоров), Затворник Вышенский, бывший Ректор Санкт-Петербургской духовной академии (1857–1859), причислен к лику святых.

Уже первые события биографий Иоанна Кронштадтского и Георгия Гапона позволяют судить о разном характере их воспитания. Духовное развитие личности будущего светила праведности — Иоанна Кронштадтского с раннего детства было сопряжено с Богом-Творцом через молитвенное обращение к Нему. В то время как на маленького Георгия Гапона особо экзальтированное впечатление производили жития святых, а также разговоры о несправедливости, которые пробуждали в нем бунтарский дух.

Страстной, склонной в некоторой степени к театрализации натуре будущего народного агитатора более близкими были жанровые житийные эпизоды. Особо его привлекали в некоторых житиях апокрифические мотивы:

«Помню, как меня поразил случай из жизни св. Иоанна, епископа Новгородского, когда он усердно молился, а злой дух, всеми способами стараясь смутить его, прыгнул в чан с водою, стоявший в келии, а святой муж поспешил перекрестить чан и тем закобалил черта. Черт взмолился, чтобы его выпустили, и обещал сделать все, что пожелает св. Иоанн... Рассказ этот произвел на меня большое впечатление: я заплакал, но в то же время желал, чтобы мне представился такой же случай поймать черта»²¹.

Этот поразивший воображение Гапона случай ясно обозначает некие самые яркие черты характера, сформированные еще в детстве, а затем проросшие у взрослого — авантюризм и желание поиграть со злом. Отец Георгий Гапон без особых на то причин и особых духовных трудов был уверен в своей нравственной, духовной силе, верил в легкую победу над злом, с которым не боялся заигрывать, и об истинной мощи которого имел, вероятно, весьма смутные представления. Убежденность в собственном могуществе и непогрешимости свидетельствует о том, что в душу Гапона с детства не было заложено понятие священного страха Божия, который есть начало премудрости.

Душу Гапона рано поразила бацилла бунта, и отчасти виной тому был его отец, который враждебно относился к существующим порядкам. На всю жизнь Гапон запомнил сцену, когда при виде проезжающей мимо коляски помещика отец сказал: «Смотри, как он гордо глядит, а ведь его коляска и все, что он имеет, досталось ему нашим трудом». Гапон тогда схватил с земли камень и швырнул вслед проехавшей коляске²²... Таким был первый практический урок из «революционной теории», усвоенный Георгием Гапоном еще в детстве.

---

²¹ Гапон Г. Там же, с. 5.

²² Гапон Г. Там же, с. 4.

Вероятно, в детстве следует искать условия возникновения столь различной степени почитания родителей у св. Иоанна Кронштадтского и Гапона. Отец Иоанн всегда крайне уважительно, послушно и с любовью относился к матери и отцу.

Достаточно упомянуть его отказ от употребления непостной пищи в Великом Посту, когда врачи настаивали на этом ввиду серьезности болезни юноши. Причина отказа была — отсутствие благословения матери.

Позже, уже будучи знаменитым священником, отец Иоанн, несмотря на огромный поток посещающих его людей, не забывал навестить родную Суру, где жила его мать, а когда не мог приехать сам, вызывал ее к себе в Кронштадт. С сыновьей нежностью он всегда целовал ее руку на ночь, в сыновьем неутолимом горе проводил мать в последний путь, похоронив на городском кладбище Кронштадта.

Отношения с родителями Георгия Гапона вызывают сострадание.

В своих мемуарах он говорит, что в детстве любил отца и мать, но тут же признается, что «восставал против деспотизма своей матери», «нарочно бросался в реку, чтобы не идти с ней в церковь», бывал «пойман в пятницу за поедание хлеба с молоком». О матери своей он впоследствии писал как о «запутавшейся в текстах религиозного формализма», а в конце жизни признавался, что даже не знает, как и где она поживает.

И отец Гапона, «неспособный убить даже муху», якобы имел хорошее влияние на сына, но непонятно, какое именно, если последний признавал в зрелом возрасте, что необходимо и «с оружием в руках сбросить самодержавие... не останавливаясь перед жертвами».

Родители отправили Георгия Гапона в Полтавское духовное училище, где по результатам вступительных экзаменов его приняли сразу во второй класс.

В училище один из педагогов И.М. Трегубов давал ему почитать некоторые из запрещенных тогда сочинений Л.Н. Толстого, которые, как признает сам Гапон, «оказали громадное влияние на мое мышление... Я пользовался каждым случаем, чтобы высказывать эти новые для меня идеи, в особенности у себя в деревне во время праздничных вакаций»²³.

Желанием поделиться с односельчанами «новыми идеями» или же самоутверждением и самолюбованием была продиктована эта сформировавшаяся потребность покрывать и позлословить?

---

²³ Гапон Г. Там же, с. 6. Трегубов Иван Михайлович, кандидат богословия, в одной из своих заметок пишет: «Я давал ему (Гапону) разные книги, которые имелись в училищной библиотеке, и, между прочим, запрещенные сочинения Льва Толстого, ходившие тогда в рукописях, которые я усердно распространял, несмотря на запрещение, среди моих учеников и семинаристов, посещавших меня», (с. 49).

Вероятнее всего — и тем и другим.

После духовного училища Г. Гапон поступил в Полтавскую семинарию. Там произошло уже более тесное соприкосновение молодого семинариста с учением графа Л.Н. Толстого: двое из семинарских преподавателей оказались его последователями: это упомянутый выше И.М. Трегубов, а также Исаак Борисович Фейнерман.

Гапон толстовцем не стал, но наставления подобных «учителей», вовлекавших в социальные столкновения, изранили душу не закаленного в подобных сражениях семинариста.

Как отмечает биограф Гапона Д. Сверчков, он «под влиянием толстовца Фейермана продолжал открыто порицать лицемерие служителей церкви. За это Гапон был лишен стипендии и стал добывать средства к жизни, давая уроки в богатых домах...»²⁴.

А вот, что сам несостоявшийся пастырь пишет о своем увлечении: «Когда я поступил в семинарию, то и там, под влиянием одного толстовца — Фейермана, я продолжал открыто порицать окружающее меня лицемерие, пока один из священников и один из наставников не донесли на меня семинарскому начальству, что я развращаю товарищей, насаждая семена ересей»²⁵.

Увлечение толстовством оставило след в развитии мировоззрения Гапона, оно подготавливало его к будущему разрыву с Православной Церковью, которую Л. Толстой обвинял в лицемерии. Именно в это время Гапон, как он сам пишет, «все яснее видел противоречие между евангельским учением и обрядностями и догматами Церкви»²⁶.

Учение графа Л.Толстого было известно и о. Иоанну Кронштадтскому. Очевидно, что оно оставило след и в его душе, но не благодетный, как у Гапона, а ожоговый.

Всероссийский батюшка не побоялся, защищая святую Русскую Православную Церковь, растлеваемый русский народ, открыто опровергнуть заблуждения всемирно известного писателя, причем, здесь он был как никогда строг и непреклонен: «Господи, сколько (о ужас) ругается над Тобой и Церковью Твоею, над учением твоим, над таинствами и богослужением Твоим толстовщина и вся одурманившаяся так называемая интеллигенция».

Св. Иоанн пророчески заметил: «Горе Льву Толстому, не верующему в Господа и умирающему во грехе неверия и богохульства. И смерть Толстого будет ужасом для всего мира».

²⁴ Сверчков Д. Георгий Гапон. Опыт политической биографии. М., 1920, с. 11.

²⁵ Гапон Г. Там же, с. 6. Гапон пишет «Фейерман», но это явная описка.

²⁶ Гапон Г. Там же, с. 6.

Небезосновательно граф Толстой был назван «зеркалом русской революции», поскольку его религиозное учение способствовало подрыву авторитета Православной Церкви в российском обществе и подготавливало почву для построения богоборческого режима.

Поэтому в духовно-нравственной эволюции Гапона увлечение толстовством является далеко не случайным эпизодом. Как известно, после Кровавого воскресенья Гапон так сформулировал свои новые взгляды, возможно навязанные западной философией: «Бога больше нет!», и очевидно, что к этой мысли он пришел не сразу, а в результате своего духовного падения, заканчивающегося гибелью.

Очевидны выводы, которые можно сделать на первом этапе сравнительного анализа жизни двух современников — св. Иоанна Кронштадтского и Георгия Гапона. Эти выводы подтвердятся и дальнейшим ходом сопоставления мировоззрений и поступков двух исторических деятелей. А состоят они в том, что личность формируется в первую очередь в процессе отношения с другими себе подобными личностями.

В случае о. Иоанна Кронштадтского она приходит в состояние любви и благодати к тем и благодаря тем, кто сам послужил так или иначе на поприще любви и благодати.

В случае же Г. Гапона, личности, бесспорно, незаурядной, ищущей, но которой не повезло с «попутчиками», и она заостенела в состоянии гордого пренебрежения и осуждения священных основ жизни, а затем погубила самое себя и нравственно, и физически.

В 1893 году Гапон окончил семинарию и собирался поступать в университет. Однако этот путь для Гапона оказался закрыт. Из документов, хранящихся в Синодальном архиве, видно, что причиной получения Гапоном диплома второй степени, помешавшей ему поступить в университет, была грубая выходка по отношению к профессору семинарии В. Щеглову²⁷.

«Для меня это было равносильно гибели всей моей карьеры и всего, что привлекало меня в жизни, — вспоминает Гапон. — Некоторое время я жил уроками и занимался статистикой в земстве... Теперь я увидел бедноту в цифрах и данных, собранных с больших площадей... и это еще более укрепило во мне желание посвятить свою жизнь служению рабочему классу и, первым делом, крестьянам»²⁸.

Очевидно, что уже на первом этапе пастырского служения Гапон утратил уважение к большинству православных священнослужителей, архиереев, да и к самой Православной Церкви, а естественным

²⁷ Гапон Г. Там же. Примечания, с. 49.

²⁸ Гапон Г. Там же, с. 6.

и последовательным изменением его личности стало отвержение Самого Бога. Это произошло через десять лет после принятия сана священника, якобы «ради верных Христу».

Гапон не хотел быть священником, а мечтал стать врачом. Когда он подрабатывал уроками, то познакомился с дочерью полтавского купца.

«Я часто разговаривал с нею, и, когда она узнала о моих планах на будущее, она высказала свое мнение, что положение священника далеко лучше положения доктора для осуществления тех целей, которые были мне дороги... Когда я возразил ей, что мои принципы противоречат (*выделено авт. — А.К.*) учению православной церкви, она ответила, что этого мало, т.к. главное дело — быть верным не православной церкви, а Христу, который есть идеал служения человечеству... Это убедило меня, и я решил сделаться священником»²⁹. На лицо толстовское противопоставление Христа и Его Церкви, которая является мистическим Телом Христа, а Христос Ее Главою. Глава от тела неотделима, иначе и то и другое мертво.

В 1894 году Гапон женится и через два года принимает сан священника. Епископ Иларион определил его на хорошее, доходное место при кладбищенской церкви в Полтаве.

Там молодой проповедник учредил братство для бедных и развернул активную социальную деятельность. Народ его полюбил, часть духовенства осуждала неординарного коллегу, но архиерей продолжал относиться доброжелательно и покровительствовал ему.

Вспоминая свой полтавский период жизни, Гапон напишет: «Женат я был четыре года, а священником был два года. У нас было двое детей — девочка и мальчик. После рождения мальчика жена моя серьезно заболела... И она умерла на моих руках... мне казалось, что все светлое отлетело из моей священнической жизни... Я был так удручен, что стал опасаться за свои мозги»³⁰.

В 1898 году Гапон покинул ставшую ему постылой Полтаву и на следующий год по ходатайству епископа Илариона и при содействии Обер-Прокурора К.П. Победоносцева поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию.

IV

Иван Сергиев по окончании Архангельской духовной семинарии был принят в Санкт-Петербургскую духовную академию в 1851 году

²⁹ Гапон Г. Там же, с. 7.

³⁰ Гапон Г. Там же, с. 7–8.

на казенный счет. Следует отметить, что ректором Академии был епископ Макарий (Булгаков), будущий митрополит Московский, известный своими научными трудами и строгостью, которая являлась неотъемлемой частью всего учебного процесса в Академии и особенно дисциплины.

«Нынешней свободы в академических стенах тогда не было и в зародыше. За студенческим поведением строго следили даже в классах во время профессорских лекций. Инспектор и помощники его, согласно «представлению» «Внутреннего академического правления» (от 6 февраля 1851 г., № 43) на имя С.-Петербургского митрополита Никанора (8 февраля подписавшего: «согласен»), обязаны были и в аудиториях наблюдать за студентами, как последние вели себя в присутствии профессоров. Нарушения академических правил поведения карались внушительно и непопустительно. Когда, напр., инспектор архим. Иоанн сообщил (1 сентября 1854 г.) о студенте Викторе Никольском, что последний был им замечен «в беспорядочном препровождении времени, соединенном с нетрезвостью», то академическое правление распорядилось посадить взрослого гражданина просто на просто «в карцер на два дня» и об его проступке вписать «в книгу поведения»... Времена были «серьезные»³¹.

Впоследствии о. Иоанн, сравнивая начало XX века со своими временами обучения в духовных школах, писал: «...теперь в семинариях преподавание наук совсем другое, да и все пошло не так»³².

Вероятно, это «не так», это послабление порядка, академических правил обучения, произошедшие в поздние времена, когда семинаристом был Г. Гапон, тоже поспособствовало изменению личности последнего, не проявлявшего должного почтения не только к образовательному процессу, но и к самим преподавателям.

Отец Иоанн Кронштадтский всегда с неизменным уважением отзывался о духовном образовании. Так, в проповеди в день памяти своего небесного покровителя преподобного Иоанна Рыльского, он подчеркнул: «При слабых физических силах прошел я три образовательные и воспитательные школы: низшую, среднюю и высшую, постепенно образуя и развивая три душевные силы: разум, сердце и волю как образ тричастной, созданной по образу Святой Живоначальной Троицы, души»³³.

³¹ Бронзов А.. К биографии о. Иоанна Ильича Сергиева Кронштадтского. (Некоторые справки из архива С.-Петербургской духовной академии) // Душеполезное чтение. 1909. Ч.1, с. 390–391.

³² Духонина Е. Как поставил меня на путь спасения отец Иоанн Кронштадтский. Дневник духовной дочери. М., 1998, с. 163.

³³ Иоанн Кронштадтский, св. Слово в день памяти преподобного отца нашего Иоанна Рыльского, 19 октября 1899 года // Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский. Воспоминания самовидцев / Сост.: Орнатская Т.И. и др. М.: Изд-во Отчий дом, 2004, с. 24.

Сразу бросается в глаза разница в оценке духовного образования, которую давали о. Иоанн Кронштадтский и о. Г. Гапон.

«Высшая духовная школа, коей присвоено название Духовной Академии, имела на меня особое благоприятное влияние, — писал о. Иоанн, — Богословские, философские, исторические и разные другие науки, широко и глубоко преподаваемые, уяснили и расширили мое мирозерцание и я, Божию благодатию, стал входить в глубину богословского созерцания, познавая более и более глубину благодати Божией, создавшей все премудро, прекрасно, благотворно, подчинившей все создания твердым жизненным гармоническим законам; особенно пленил мой ум и сердце премудрый, дивный план спасения погибающего рода человеческого чрез Божественного Агнца Божия Иисуса Христа, *вземлющего грехи мира* (Ин. 1,29); во мне развилось и окрепло религиозное чувство, которое было во мне вселено еще благочестивыми родителями. Прочитав Библию с Евангелием и многие творения Златоуста и других древних Отцов, также и русского златоустого Филарета Московского и других церковных витий, я почувствовал особенное влечение к званию священника и стал молить Господа, чтобы Он сподобил меня благодати священства и пастырства словесных овец Его. Размышляя о чудном, любвеобильном домостроительстве Божиим в спасении рода человеческого, я проливал обильные и горячие слезы, стгорая желанием содействовать спасению погибающего человечества. И Господь исполнил мое желание. Вскоре по окончании высшей школы я возведен был на высоту священнического сана»³⁴.

Учебу Иван Сергиев совмещал с работой, за гроши переписывал в канцелярии по ночам бумаги. После смерти отца он остался единственным кормильцем в семье. Скучное жалование Иван пересылал матери. Но первый заработок за переписку сочинений старшего товарища он употребил на покупку толкования Златоуста на Евангелие от Матфея и радовался этой покупке как сокровищу из сокровищ³⁵.

Помещение канцелярии, закрытое для других, дало серьезному студенту еще большую возможность заниматься своим образованием и в особенности Святыми Отцами. В студенческие годы Сергиев отличался в учебе особым прилежанием. Кроме добросовестного изучения обязательных предметов Иван читал и святых отцов, особенно любил творения св. Иоанна Златоуста. Иногда, сидя за чтением его поучений, он вдруг один начинал хлопать в ладоши святому Златоусту, до такой

³⁴ Там же, с. 25.

³⁵ Святой праведный Иоанн Кронштадтский: проповеди, воспоминания современников и родственников / Сост. Шемякина С.И., Шпякина Г.Н. М.: Издательский Совет РПЦ, 2002, с. 10.

степени восхищала его красота и глубина ораторства Вселенского учителя. Такое творческое проникновение в труды Великого святителя, вероятно, определяется не только художественной и духоносной их гениальностью, но особым талантом восприимчивости души неравнодушного читателя этих трудов — будущего о. Иоанна Кронштадтского, который от уважения и благоговения к людям, его окружавшим и послужившим ему, постоянно возрастал в благоговении к Самому Творцу и Спасителю мира.

В связи с этим хочется повторить, что согласно святоотеческому учению и на примере служения самого Иоанна Кронштадтского — личность формируется в правильном направлении, если в ближнем мы видим образ Божий и общение с подобными нам людьми должно научать нас верному отношению к Богу.

Иван Сергиев в разрядных списках занимал места под номерами: 18, 25, 26, 29, 33, 35, 36... (из 39-ти)... Академический курс он окончил под № 35 (из 39-ти). В аттестате было отмечено, что Иван Сергиев «в августе 1851-го года поступив из Архангельской дух. семинарии в С.-Петербургскую духовную академию, обучался в ней, при способностях хороших, прилежании и поведении очень хороших...»³⁶.

Такой авторитетный исследователь жизни и трудов св. прав. Иоанна Кронштадтского, как митрополит Вениамин полагает, что «с товарищами, по-видимому, у него не было каких-либо особо близких отношений и дружбы, а тем более веселых товарищеских пирушек. Подобно древнему св. Василию Великому, и он пользовался уважением и даже боязнью со стороны студентов: не до веселья и не до празднословия было ему. Учение, канцелярия и самообразование отнимали у него все время и внимание»³⁷.

Однако воспоминания самого о. Иоанна вносят некоторые коррективы в эту характеристику, словно иллюстрируя приведенную выше мысль В. Лосского о том, что любовь предполагает свободу, возможность выбора, бунта и отказа. Запись в дневнике от 15 ноября 1906 года позволяет увидеть о. Иоанна обыкновенным живым студентом:

«Вспомнил я свою Санкт-Петербургскую Академию и жизнь мою в стенах ее, которая была не безгрешна, хотя я был весьма благочестивым студентом, преданным Богу всем сердцем.

Грехи мои состояли в том, что иногда в великие праздники я выпивал вина, и только один Бог хранил меня от беды, что я не попадался начальству Академии и не был выгнан из нее, как был выгнан студент

³⁶ Бронзов А. Там же, с. 393.

³⁷ Вениамин (Федченков), митр. Там же, с. 27.

Метельников (Вас. Иванович из Нижегородской семинарии), напившийся до бесчувствия и отморозивший себе руки за стенами Академии. (Ворота были заперты на ночь, и он не мог попасть в Академию). Благодарю Господа за милость и сокрытие моих грешных поступков. А то еще был случай: в один двенадесятый праздник было приказано мне за всюнощной стоять и держать митру архимандриту Кириллу, экстраординарному профессору и помощнику инспектора Академии, а я <митру> не снял, и потом, когда товарищи заметили, зачем я это сделал, ответил: «Сам снимет». Как мне сошла эта грубость, не знаю, но только архимандрит, видимо, обиделся на меня и по адресу моему на лекции в аудитории говорил очень сильные нотации, не упоминая меня. Он читал Нравственное Богословие и был родственник ректора Академии епископа Макария Винницкого. Чту почтенную память вашу, мои бывшие начальники и наставники (Владыка Макарий, инспектор Иоанн (Соколов), лектор Богословия и профессор архимандрит Кирилл), что вы снизошли ко мне и не наказали меня соответственно вине моей и дали мне возможность окончить счастливо и получить академическую степень кандидата богословия и сан священника»³⁸.

Вместе с Иваном Сергиевым на этом курсе обучался А.И. Предтеченский, будущий блестящий и талантливый профессор академии и первый редактор академического журнала «Церковный Вестник», окончивший курс под 2-м номером.

В Академии у Ивана Сергиева появилось сначала желание взять на себя подвиг миссионерства в монашеском чине среди аборигенов Сибири и Северной Америки. Подтверждением этого является тот факт, что «студент Сергиев в числе семи состоял еще слушателем на (не обязательном) «миссионерском» отделении (или «классе»)»³⁹.

В 1855 году о. Иоанн окончил Духовную Академию со степенью кандидата богословия, защитив работу «О Кресте Христовом в обличении мнимых старообрядцев». Однако, пожив в столице четыре года и осмотревшись, он решил, что полезнее будет заняться пастырско-духовной работой.

«Размышляя однажды о предстоящем служении Церкви Христовой во время уединенной прогулки по академическому саду, он, вернувшись домой, заснул и во сне увидел себя священником, служащим в Кронштадтском Андреевском соборе, в котором в действительности он никогда еще не был»⁴⁰.

³⁸ Арсений (Жадановский), еп. Воспоминания. М., 1995, с. 172–173.

³⁹ Бронзов А.. Там же, с. 392.

⁴⁰ пантелеимон, архим. Жизнь, подвиги, чудеса и пророчества святого праведного отца нашего Иоанна Кронштадтского Чудотворца. Б.м. 1976, с. 4.

В этом же 1855 году ключарь Кронштадтского Свято-Андреевского собора протоиерей Константин Несвицкий овдовел и по болезни ушел на покой. На его место 12 декабря того же года был назначен священник Иоанн Ильич Сергиев, женившийся на дочери своего предшественника Елизавете Константиновне⁴¹, с которой они ранее познакомились на академическом вечере. Диаконскую хиротонию 10 декабря (по ст. стилю) совершил ректор Академии, епископ Винницкий Макарий (Булгаков), а через два дня, 12 декабря была хиротония во пресвитера, которую совершил Христофор, епископ Ревельский, викарий Санкт-Петербургского митрополита.

V

Священнику Георгию Гапону поступить в С.-Петербургскую духовную академию было непросто из-за плохих семинарских документов. Но его выручили дерзкая настойчивость в сочетании с вкрадчивостью и удивительной способностью находить в разговоре неожиданные, но точные ходы. Практически получив отказ при аудиенции у обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева, соискатель понял, что все его надежды рушатся, и это вызвало в нем негодование и протест:

« — Но, ваше превосходительство, — крикнул я, — вы должны меня выслушать, это для меня вопрос жизни. Единственное, что мне теперь остается — это затеряться в науке, чтобы научиться помогать народу, я не могу примириться с отказом»⁴².

Великий пастырь Иоанн Кронштадский не кричал, как Гапон, о непримиримом желании овладеть наукой, чтобы «помогать народу». Он владел ею в совершенстве с юных лет, с тех лет, когда на всю жизнь взял за образец слово Божие и подвиг Христов.

Непримиримый Гапон очень быстро остыл к духовной науке, так как не дождался от нее оправдания своим интересам:

«Я думал, — пишет несостоявшийся пастырь, оправдывая свое небрежное отношение к учебе, — что в этом святилище науки, тем или другим путем я приобрету то, что поможет мне служить правде и народу, но надежды мои совсем не оправдались... Только профессор истории церкви Болотов составлял исключение. Это был серьезный и очень умный человек; остальные вовсе не соответствовали своему назначению»⁴³.

---

⁴¹ О семье Иоанна Кронштадтского подробно см.: *Шемякина С.И.* Св. Иоанн Кронштадтский и семья Несвицких // Свято-Иоанновские чтения. Церковно-научная конференция. Вып. 1. Изд-во Леушинского подворья, СПб. 2001, с. 38–41.

⁴² Гапон Г. Там же, с. 10.

⁴³ Гапон Г. Там же, с. 10.

Такое критическое отношение совершенно не соответствует действительности, поскольку в те времена Санкт-Петербургская духовная академия блистала своей ученостью. Достаточно привести такие имена: доктор богословия Иван Егорович Троицкий (1834–1901)⁴⁴; ординарный профессор кафедры церковной археологии и литургии, директор Императорского Археологического института Покровский Николай Васильевич (1848–1917); Скабаланович Николай Афанасьевич (1848–1918), профессор по кафедре новой общей церковной гражданской истории, известный также своими трудами по истории Византии в послесоборный период⁴⁵; профессор Лопухин Александр Павлович (1852–1904), известный своей более чем активной научной, публицистической и издательской деятельностью⁴⁶; Бронзов Александр Александрович (1858–1936/37), профессор по кафедре нравственного богословия; известный библиист мирового уровня Глубоковский Николай Никанорович (1863–1937), доктор богословия, профессор по кафедре Священного Писания Нового Завета; заслуженный ординарный профессор Пальмов Иван Савич (1855–1920), крупнейший знаток истории славянских народов. И это далеко не полный список имен выдающихся тружеников на поприще духовной науки и образования.

Ректором Академии после епископа Бориса (Плотникова) с 1901 года стал епископ Сергей (Страгородский), будущий Патриарх Московский и всея Руси, который уже в то время зарекомендовал себя весьма неординарной личностью, выдающимся богословом и иерархом.

Достаточно упомянуть, что именно в период своего ректорства епископ Сергей был председателем Религиозно-философских собраний в Санкт-Петербурге, которые стали «встречей» русской богоскательной интеллигенции и Православной Церкви, своеобразным ответом на возросший интерес части интеллигенции к религиозно-философским вопросам⁴⁷. Эти собрания были очень популярны и вызвали большой интерес в обществе⁴⁸.

«И когда правительство в 1903 г. запретило религиозно-философские собрания в Петербурге, это запрещение, как ни странно, усилило

---

⁴⁴ См. Приложение II.

⁴⁵ См. Приложение III.

⁴⁶ См. Приложение IV.

⁴⁷ Половинкин С.М. На изломе веков. О религиозно-философских собраниях 1901–1903 годов // Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901–1903 гг.) / Общ. ред. С. М. Половинкина. М.: Республика, 2005, с. 490.

⁴⁸ См.: Константин (Горянов), еп. Опыт встречи. К столетию Религиозно-философских собраний // ЖМП, № 1, 2003, с. 64–71.

традиционную заинтересованность интеллигенции в дискуссиях по вопросам общерусской важности»⁴⁹.

Что же касается деятельности студентов помимо учебы, то при Академии действовали Общество студентов-проповедников (с 1887 г. под патронатом «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви») и Студенческое Психологическое общество (с 1900 г.). Посильно продвигались студенты под руководством наставников в деле распространения религиозно-нравственного просвещения. И немногие из них пошли на революционные баррикады в 1905 году и кричали о бедственном положении Церкви, а скромно и молитвенно они исполняли свое предназначение.

Профессор Н.Н. Глубоковский так вспоминал об этих временах: «Студенты ограничивались своими специальными академическими кружками (пастырским, проповедническим) и вели скромную работу, видимо, столь благодидную и памятную, что уже при большевиках, когда разрушались чтимые часовни и осквернялись чудотворные иконы, один из них, потом митрополит Петроградский Вениамин (Казанский, мученически убиенный в 1922 году) получил дорогую митру и всегда при обозрении приходов был провожаем целыми толпами народа с пением и горящими свечами, пока ему не запретили угрожающе даже переезд за Неву на Охту...»⁵⁰.

Таким образом, Санкт-Петербургская духовная академия в конце XIX–начале XX вв. переживала свой небывалый расцвет, не только в научной, но и в общественной деятельности, который в силу малой духовной чуткости и потери интереса к богословию не увидел (или не захотел) о. Г. Гапон.

О пребывании Гапона в Петербургской духовной академии (1898–1903) сохранились воспоминания священника М.С. Попова, на основании которых И.А. Бухбиндером написана статья «Из жизни Г. Гапона».

Попов близко знал Гапона, они вместе учились в академии и одновременно служили в детском приюте. Что же касается обучения и поведения Гапона в Академии, то есть свидетельства, что «Гапона студенты сразу невзлюбили. Он отличался большой практичностью, неприятно бросавшейся в глаза. Так, например, в общежитии студенты жили по 10–15 человек в одной комнате. Гапон каждый раз так устраивался, что занимал самостоятельно комнату. Однажды для

⁴⁹ Богачевская-Хомяк М. *Философия, религия и общественность в России в конце 19-го и начале 20-го вв.* // Русская религиозно-философская мысль XX века. Сборник статей под ред. Н.П.Полторацкого. Отдел славянских языков и литератур Питтсбургского университета. Питтсбург, 1975, с. 87. (машинопись).

⁵⁰ Глубоковский Н.Н. *С.-Петербургская духовная академия во времена студенчества там патриарха Варнавы.* Сремски Карловци, 1936, с. 58.

этого он выселил служителя канцелярии, сообщив начальству академии о том, что тот не имеет права жить в академии. В другой раз он заявил, что болен, и поселился в отдельной комнате в больнице. Он занимал ее долгое время, и врачу — заведующему больницей — пришлось вести с Гапоном долгую борьбу. Лекции Гапон посещал очень редко»⁵¹.

Да и сам Георгий Гапон, вспоминая об этом времени, признается, что желание заниматься научными изысканиями в нем быстро охладело. «Постепенно я потерял всякий интерес к лекциям и понял, что никаких серьезных познаний от профессоров я не получу»⁵². Очевидно, что интересы и устремления Гапона стали уже совсем другими.

На радость о. Гапона викарный епископ Вениамин приглашает его участвовать в миссии для рабочих, созданной при церкви на Боровой улице. Работа в миссии дала ему возможность определиться со своим мировоззрением в области социального служения.

«На собрании миссионеров, где обсуждался дальнейший ход работы, я высказал свое мнение, что для укрепления работы миссии необходимо организовать рабочих для взаимной поддержки и кооперации, чтобы они могли улучшить экономический быт своей жизни, что я и считал необходимой предварительной стадией для их нравственного и религиозного воспитания»⁵³.

Таким образом, о. Г. Гапон приходит к выводам, диаметрально противоположным тем, которые сделал в свое время о. Иоанн Кронштадтский. Гапон принимает примат внешнего делания над духовным и необходимость вначале накормить рабочего, а затем уже требовать от него духовной жизни.

В этом, конечно, сказался материалистический соблазн социализма — дьяволово искушение «сделать хлебы из камней», о котором так хорошо писал Ф.М. Достоевский. Трагедия состояла в том, что у Достоевского соблазном социализма были захвачены недоучившиеся семинаристы и миряне, то тут подобной материалистической идеологией проникались священнослужители. Это ли не трагедия личности, призванной владеть своей природой и природой мира, но вместо этого подчиняющей себя и ближних требованиям природы и ставящей свою нравственность в прямую зависимость от материальных нужд? Вскоре Гапон оставляет миссионерство ввиду невозможности распространения своего мировоззрения.

⁵¹ Бухбиндер И.А. Из жизни Г. Гапона (По неизданным материалам) // Красный летописец. 1922. №1, с. 101–102.

⁵² Гапон Г. Там же, с. 11.

⁵³ Гапон Г. Там же, с. 11.

Гапон жалуется на ухудшение здоровья и администрация академии, о которой он неоднократно отзывался так пренебрежительно, отправляет своего студента в Крым на поправку. Там молодой священник был любезно приглашен епископом Таврическим Николаем провести время лечения в Георгиевском монастыре, где неудавшемуся миссионеру был оказан почет и уважение.

Однако вместо чувства благодарности братии, поправившийся священник Гапон потом напишет в своей биографии: «Всюду заброшенные богатства и праздная, даже непорядочная жизнь. С каждым днем я убеждался, что все эти тысячи монастырей только питомники порока и рассадники народного суеверия»⁵⁴.

Хорошее впечатление на Гапона произвели только художник Василий Верещагин, писатель Янчин, дворянин Михайлов, «искренне» советовавшие пастырю душ человеческих навсегда снять рясу, чтобы стать более свободным в грядущем служении народу⁵⁵.

Очевидно, что этот возрастной кризис личности Гапона, выразившийся в переоценке исконных ценностей, стал закономерным результатом начавшегося с юности духовного разрушения. Гапон был отравлен классовой ненавистью, соблазнен идеями толстовцев. Это под влиянием толстовцев (вирус, который вызывает уродливую мутацию даже в здоровом организме, если нет иммунитета) Гапон начал отходить от истинного Православия.

И именно в это время начинает нарастать в нем стремление как-то проявить себя, свое Я. Истероидные черты личности (холерик по темпераменту), очевидно присущие Гапону, провоцировали в нем тщеславие, гордость, демонстративно показное поведение.

VI

Вернувшись в Петербург, священник Гапон продолжил свою проповедь в рабочих массах. Он становится своим человеком в рабочих кварталах, его знают и любят. Эффектная, красивая внешность, незаурядный ораторский талант, умение производить впечатление на духовных и светских властителей обеспечили ему популярность среди прихожан и сравнительно неплохие места службы.

«Меня стали приглашать в салоны титулованных особ, близких к придворным сферам, где я вскоре совсем освоился. В это время я познакомился с различными представителями придворной знати... В обществе этом была женщина, которую я глубоко уважал. Это была Елизавета

⁵⁴ Гапон Г. Там же, с. 13.

⁵⁵ Гапон Г. Там же, с. 12.

Нарышкина, старшая гофмейстерина при императрице, дама высшего аристократического круга, весьма любимая царем и императорской фамилией. Женщина добрая и умная, она была основательницей многочисленных благотворительных учреждений, вполне удовлетворявших своему назначению»⁵⁶.

Когда еще Гапон учился на втором курсе академии, ему предложили место главного священника во втором приюте Синего Креста — отделении Общества попечения о бедных и больных детях. Вторым священником в приютской церкви был однокашник Гапона священник М. Попов, по воспоминаниям которого, мы можем составить себе представление о не совсем обычном «демократичном» поведении Гапона на этих должностях. С детьми Гапон охотно играл в лапту, в церкви организовал вокальное трио, к бедным прихожанам ходил пить чай со своим чаем и сахаром. Неудивительно, что паства столь необычного батюшки быстро увеличивалась.

«Видя успех его проповедей, начальство души в нем не чаяло, он всех словно околдовал, ему приносили корзины фруктов и вин, — сообщает о. М. Попов, — в приюте не полагалось квартиры для духовенства, но для Гапона сделали исключение»⁵⁷.

Однако постепенно Гапон стал охладевать к богослужениям, прежнего самоотвержения как не бывало.

«Гапон теперь стал хорошо одеваться, купил зачем-то бурку казачью (*выделено авт. — А.К.*). Однако в деньгах он постоянно нуждался. У него стали частыми недоразумения из-за неплатежей по счетам. Далее, часто брал он займы у знакомых и не спешил возвращать. С начальством приюта у него выходили часто споры. Фруктов, вин и подарков от дам-патронесс приюта уже не появлялось»⁵⁸.

Задумаемся, почему Гапон купил казачью бурку? Не потому ли, что в нем бурлила под спудом кровь немирная, не достигшая равнинного течения широты русской государственности?

Так и оказалось...

Вскоре Гапон оказался замешанным в скандале, заставившем его покинуть приют.

«Вдруг матери девочек, воспитанниц этого приюта, стали усиленно брать своих детей из него... — пишет биограф Гапона, — было проведено расследование. Оказалось, что Гапон так «своеобразно» держал себя с воспитанницами старших классов, что пребывание их в этом приюте становилось положительно неудобным»⁵⁹.

⁵⁶ Гапон Г. Там же, с. 15

⁵⁷ Бухбиндер И.А. Там же, с. 104.

⁵⁸ Бухбиндер И.А. Там же, с. 104.

⁵⁹ Феликс Г.А. Гапон и его общественная роль. СПб., 1906, с. 20.

Когда об этой истории узнал викарный епископ Иннокентий, он тотчас исключил Гапона из духовной академии и запретил ему служить. Отношения Гапона с попечительским советом приюта настолько обострились, что 2 июля 1902 года он произнес перед многочисленной паствой речь, направленную против начальства приюта.

Разрыву с детским приютом способствовал тот факт, что в 1902 г. его воспитанница, старшеклассница Александра Уздалева, стала гражданской женой Гапона. Православный священник не имеет права вступать в брак повторно.

Впрочем, свое неблагоприятное увольнение с прихода Гапон сумел обставить как гонение и произнес горячую, обличающую руководство, проповедь. Громко хлопнув дверью, он уехал в Полтаву с А. Уздалевой, которая была его гражданской женой до самой смерти Гапона.

Но судьба опять ему дает удивительно редкий шанс. Вернувшийся митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский) принял Гапона и восстановил в звании священника и студента академии⁶⁰. Гапон снова стал принимать у себя своих друзей рабочих, и разговаривать с ними об их нуждах.

Петербургский союз рабочих был утвержден, и ректор академии епископ Сергей (Страгородский) произнес речь, в которой, напомнив о коммуне первых христиан, увещал рабочих не завидовать чужому богатству, а стараться честным трудом, трезвостью и взаимной помощью улучшить условия своей жизни. Однако это разочаровало Гапона, так как он ожидал более радикальных призывов. На этом собрании Гапон был уже не в рясе, а в костюме, что в присутствии своего ректора, архиерея, было просто вызывающе.

Весной 1903 года перед выпускными экзаменами и защитой диссертации о. Г. Гапон наконец-то стал заниматься наукой и задумался о своей будущей жизни. Ректор, епископ Сергей, предложил ему принять монашество, но Гапон, находившийся в гражданском браке с молодой Александрой, понятно, категорически отказался. Свой отказ он, однако же, мотивирует следующим образом: «Среди монахов, с которыми я сталкивался в академии, был только один, нравившийся мне. Это был инспектор (архимандрит Феофан Быстров), которого любили все студенты, но и он мне казался сухим и ограниченным человеком. Меня тогда тревожили религиозные сомнения, но, когда я ему о них сказал, он пришел в ужас и, заявив, что меня искушает сатана, посоветовал читать жития святых»⁶¹.

---

⁶⁰ Гапон Г. Там же, с. 16.

⁶¹ Гапон Г. Там же, с. 19.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Летом 1903 года Гапон заканчивает Санкт-Петербургскую духовную академию и защищает кандидатскую диссертацию «Современное положение прихода в православных церквях греческой и русской»⁶². По месту направления он не поехал и, отказавшись от места преподавателя в провинциальной семинарии, целиком ушел в рабочее движение.

Главный недостаток образованного духовенства Гапон видел в том, «что оно так поглощено обрядностью и догматами, что не может понять настоящую сущность религии»⁶³. На самом же деле он сам не понимал духовной сути того величайшего и труднейшего священнического служения, которое в тиши храмов несли его современники и соотечественники. По-видимому, у Гапона вообще

атрофировалось чувство священного и таинственного.

VII

Нужно сказать, что в «Истории моей жизни» о. Г. Гапон упоминает о нескольких встречах с протоиереем Иоанном Кронштадтским, где дает свою оценку маститому пастырю, который уже имел всероссийскую известность и почитание.

Очевидно, что отец Иоанн произвел большое впечатление силой своей проповеди и неподдельной искренностью на молодого священника и студента академии о. Г. Гапона.

«Не могу не сказать несколько слов о моих встречах с этим замечательным священником. Его манера раздавать на улице большие суммы денег привлекала в Кронштадт массу нищих, которая только и жила подаванием и все более и более теряла охоту к честному труду. Первый раз я встретился с ним на освящении церкви в Ольгинском приюте.

⁶² См. Приложение V.

⁶³ Гапон Г. Там же, с. 20.

Отец Иоанн был приглашен совершить богослужение вместе со мною и еще одним священником. Я внимательно всматривался в него. Он небольшого роста; глаза его пронизательны, борода короткая, седая; движения резкие, нервные; одет он был в великолепную рясу... Вскоре я встретил его в доме одного купца, где он также совершал богослужение. Его сопровождала одна из 12 его постоянных спутниц, одетая в белое, поведение которой было скорее кривлянием, чем поклонением... Когда новая церковь Красного Креста была окончена, княгиня Лобанова-Ростовская пригласила меня и отца Иоанна совершить богослужение. Там был и третий священник, молодой студент академии. Нас с отцом Иоанном затем пригласили к столу, но студента почему-то демонстративно не позвали... Однако в другой раз, проповедуя в техническом училище, отец Иоанн произвел на меня сильное впечатление силою своей проповеди и очевидной искренностью. Он говорил о смерти и воскресении и сказал, что каждый человек ежедневно умирает и воскресает и что каждый безнравственный поступок наполняет сердце чувством смерти, а всякое стремление к добру наполняет его славой новой жизни. Иногда он приезжал в академию, где студенты прямо обожали его»⁶⁴.

Не о такой ли славе мечтал Г. Гапон, не осознавший своего предназначения, растративший данные ему Богом дары — пытливый ум, чистую совесть, физическое здоровье. Он, как блудный сын, прожил все свои духовные богатства в том возрасте, в котором студент Иван Сергиев тихо, спокойно и внешне незаметно созидал фундамент для здания своего великого будущего пастырства на патрологии и догматике Православной Церкви. Гапон к догматическому богословию относился изначально пренебрежительно, об изучении Святых Отцов

о. Георгий Гапон

⁶⁴ Гапон Г. Там же, с. 22–23.

не вспоминал вообще ничего. В священники он пошел не по призванию, хотя изначально тяга к Богу у него была. На таком фундаменте невозможно выстроить свое здание служения народу.

Для более выразительной характеристики о. Иоанна и Гапона, как нельзя лучше подходят слова Спасителя из Нагорной проповеди: «Всякого, кто слушает слова Мои и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне. И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал; потому что основан был на камне. А каждый, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке. И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое» (Мф. 7, 21-27).

По окончании академии о. Г. Гапон остался в столице: «очень хотелось совсем выйти из духовенства, но священническая ряса давала мне свободный доступ к рабочим, и потому я решил не делать этого и стал хлопотать о приходе в Петербурге»⁶⁵.

А впереди Г. Гапона ждали испытания дождями пуль, реками крови, ветрами революции. Эти испытания, по сути сводящиеся к одному — испытанию в верности Богу и Церкви, привели Гапона и последовавших за ним к падению великому, к гибели духовной и физической.

Будущее падение словно предощущалось во всем облике этого мятущегося человека. На сохранившихся фотографиях, на живописных изображениях, созданных революционными художниками не различить ни лица Гапона, ни переживаемых чувств — лишь черный силуэт, склонившийся, будто под напором стихии...

А отец Иоанн Кронштадтский, также прошедший в начале XX века через многие искушения, не только устоял в своей преданности Богу, но и стал настоящей свечой, освещающей путь для многих людей на все последующие времена. Отец Иоанн с кротостью и любовью исполнил слова Христа: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего небесного» (Мф. 5, 16).

Воистину, светит свет очей о. Иоанна Кронштадтского со святых икон, изливается на немощи, грехи и устремления наши. В веках будет сиять образ святого, как маяк, возженный на том море, о котором писал свт. Игнатий Брянчанинов: «Широко расстилается оно, хрустальное, серебряное, между отлогими берегами. Замкнуто оно Кронштадтом, за которым беспредельность моря сливается с беспредельностью неба»⁶⁶.

⁶⁵ Гапон Г. Там же, с. 20.

⁶⁶ Игнатий Брянчанинов, свт. Крестоношение. М., 1999, с. 28.

Приложения

I

В архиве сохранились прошения отца будущего пастыря Иоанна Кронштадтского — Ильи Сергиева, и самого семинариста, — к семинарскому начальству о предоставлении последнему казенного содержания. Начальство всегда отказывало под тем предлогом, что Иван Сергиев имеет пономарское место, как источник дополнительного дохода, которого, однако, не хватало на учебу, что видно из «покорнейшего» прошения самого Ивана: «Отец мой Илья Сергиев, проживающий в Сурском приходе Пинежского уезда дьячком, имеет кроме меня и брата моего Ивана Сергиева, обучающегося в первом приходском классе, в семействе четыре человека. По бедности своей он не только не в состоянии мне доставлять приличного для ученика одеяния, но и с величайшею трудностью пропитывает меньшего брата моего, который содержится на его собственном иждивении уже третий год. По сему покорнейше прошу Семинарское правление, не соблаговолено ли будет меня принять на полное казенное содержание, и тем избавить отца моего от крайней бедности. О чем учинить милостивейшее благорассмотрение и решение.

К сему прошению вышеозначенный ученик Низшего класса Иван Сергиев руку приложил.

1842 года

Сентября 11 дня».

(ГААО, ф. 73 оп. 1, д. 237, л. 698)⁶⁷.

II

Вот что пишет о И.Е. Троицком проф. СПбДА И.И. Соколов: «Имя этого ученого окружено ореолом высокой талантливости, беззаветной любви к греческому востоку, превосходным знанием его языка и истории, изумительным пониманием основных задач византиноведения и необыкновенною продуктивностью в научных работах этой отрасли знания. ... И вообще сделал для византиноведения так много, что его почтенное имя всегда будет стоять в первом ряду византологов востока и запада» (*Соколов И.И.* Иван Егорович Троицкий — «ипат византологов», его ученые труды и историческое значение // Христианское чтение, 1904, 2). Он придавал самое серьезное значение первому настоящему научному опыту студента — кандидатской диссертации. В своем духовном завещании он предоставил С.-Петербургской академии две тысячи рублей с тем, чтобы проценты с них ежегодно выдавались за

⁶⁷ Балакшина Ю.В. Там же.

лучшее кандидатское сочинение по истории Восточной Церкви после седьмого Вселенского Собора.

III

Особое место среди работ Н.А. Скаблановича занимает фундаментальное сочинение «Византийское государство и Церковь в XI в.». Это сочинение было переиздано в 2-х томах в Санкт-Петербургском издательстве Олега Абышко в 2006 году. Н.А. Скабланович был также редактором академического журнала «Церковный Вестник» с 1886 по 1892 г., где поместил большое число научных и публицистических статей и заметок.

IV

Чтобы по достоинству оценить творческий потенциал и колоссальную работоспособность А.П. Лопухина достаточно упомянуть, что помимо преподавательской деятельности он с 1893 г. был еще редактором одновременно двух академических журналов «Церковный Вестник» и «Христианское чтение» (до этого для редактирования каждого журнала назначался отдельный человек), а с 1899 еще журнала «Странник». Особо следует упомянуть, что в связи с изданием современной «Православной Энциклопедии», где задействованы лучшие и довольно многочисленные ученые силы Православной Церкви, в самом начале XX века первая попытка издания подобной энциклопедии принадлежала именно Александру Павловичу. «Издание первой Православной богословской энциклопедии (ПБЭ) было предпринято по инициативе и на средства экстраординарного профессора Санкт-Петербургской духовной академии Алексея Павловича Лопухина (1852–1904) «на личный страх издателя — без всякой посторонней помощи, единственно в надежде на сочувствие того круга читателей, для которого предназначена наша Энциклопедия». Первые пять томов вышли под редакцией А.П. Лопухина в 1900–1904 гг. — в качестве ежегодного бесплатного приложения к журналу «Странник», фактическим владельцем, издателем и редактором которого Лопухин стал 13 июля 1899 года» (См. подробнее: Богданова Т.А. Первая «Православная Богословская Энциклопедия» (1900–1911) // Официальный сайт Санкт-Петербургской Православной духовной академии <http://www.spbda.ru/info.php?id=966>).

V

В отзыве на сочинение Г.Гапона доцента иеромонаха Михаила (Семенова) отмечено, что работа по объему небольшая — 70 страниц. Это лишний раз подтверждает свидетельство современников о том, что

священнику Георгию Гапону было не до учебы в виду его активной деятельности среди рабочих. Сочинение «состоит из трех отделов — изложенных в двух главах: вторая делится на два отдела. Первая часть (стр. 6–23). О приходе в греческой церкви. Эта часть ни в фактическом материале, ни в выводах, не оригинальна: она повторяет нашу книгу «Собрание уставов Константинопольского патриархата» (Казань, 1902 г.). Работа Г. Гапона в этой части ограничилась простым перифразом». См.: Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1902/3 год (в извлечении). Приложение к журналу «Христианское Чтение». СПб., 1903, с. 341.

Примечательно, что кандидатский диплом, несмотря на просьбу священника Георгия Гапона, не был вообще выдан ему на руки, т.к. он не сдал в фундаментальную академическую библиотеку казенные книги: «1) Гомера Илиада, в переводе Кречмера, ч. II-я — 1 руб. 25 коп., 2) Кюнера. Греческая грамматика // в переводе Носова — 1 руб. 25 коп. и 3) Носова. Греческая Хрестоматия — 1 р. 25к.». ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 115. Д. 430. Л. 9.

Список литературы

1. *Арсений (Жадановский), еп.* Воспоминания. М.: Свято-Тихоновский богословский институт: Братство во имя Всемилоственного Спаса, 1995. — 294 с: ил.; 24 с.

2. *Балакшина Ю.В.* Годы учения отца Иоанна Кронштадтского в Архангельских духовных школах (1838–1851) // Альманах «Кронштадтский пастырь». Вып. 2. М.: Отчий дом (в печати).

3. *Богачевская-Хомяк М.* Философия, религия и общественность в России в конце 19-го и начале 20-го вв. // Русская религиозно-философская мысль XX века. Сборник статей под ред. Н.П.Полторацкого. Одел славянских языков и литератур Питтсбургского университета. Питтсбург, 1975. — 74–95 с. (Машинопись).

4. *Богданова Т.А.* Первая «Православная Богословская Энциклопедия» (1900–1911) // Официальный сайт Санкт-Петербургской Православной духовной академии <http://www.spbda.ru/info.php?id=966>

5. *Бронзов А.* К биографии о. Иоанна Ильича Сергиева Кронштадтского. (Некоторые справки из архива С.-Петербургской духовной академии) // Душеполезное чтение. 1909. Ч. 1. — 385–398 с.

6. *Бухбиндер И.А.* Из жизни Г. Гапона (По неизданным материалам) // Красный летописец. 1922. № 1. — 101–105 с.

7. *Вениамин (Федченков), митр.* Отец Иоанн Кронштадтский. СПб. — Кронштадт: Воскресение, 2000. — 949 с.

священнику Георгию Гапону было не до учебы в виду его активной деятельности среди рабочих. Сочинение «состоит из трех отделов — изложенных в двух главах: вторая делится на два отдела. Первая часть (стр. 6–23). О приходе в греческой церкви. Эта часть ни в фактическом материале, ни в выводах, не оригинальна: она повторяет нашу книгу «Собрание уставов Константинопольского патриархата» (Казань, 1902 г.). Работа Г. Гапона в этой части ограничилась простым перифразом». См.: Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1902/3 год (в извлечении). Приложение к журналу «Христианское Чтение». СПб., 1903, с. 341.

Примечательно, что кандидатский диплом, несмотря на просьбу священника Георгия Гапона, не был вообще выдан ему на руки, т.к. он не сдал в фундаментальную академическую библиотеку казенные книги: «1) Гомера Илиада, в переводе Кречмера, ч. II-я — 1 руб. 25 коп., 2) Кюнера. Греческая грамматика // в переводе Носова — 1 руб. 25 коп. и 3) Носова. Греческая Хрестоматия — 1 р. 25к.». ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 115. Д. 430. Л. 9.

Список литературы

1. *Арсений (Жадановский), еп.* Воспоминания. М.: Свято-Тихоновский богословский институт: Братство во имя Всемилоственного Спаса, 1995. — 294 с: ил.; 24 с.

2. *Балакшина Ю.В.* Годы учения отца Иоанна Кронштадтского в Архангельских духовных школах (1838–1851) // Альманах «Кронштадтский пастырь». Вып. 2. М.: Отчий дом (в печати).

3. *Богачевская-Хомяк М.* Философия, религия и общественность в России в конце 19-го и начале 20-го вв. // Русская религиозно-философская мысль XX века. Сборник статей под ред. Н.П.Полторацкого. Одел славянских языков и литератур Питтсбургского университета. Питтсбург, 1975. — 74–95 с. (Машинопись).

4. *Богданова Т.А.* Первая «Православная Богословская Энциклопедия» (1900–1911) // Официальный сайт Санкт-Петербургской Православной духовной академии <http://www.spbda.ru/info.php?id=966>

5. *Бронзов А.* К биографии о. Иоанна Ильича Сергиева Кронштадтского. (Некоторые справки из архива С.-Петербургской духовной академии) // Душеполезное чтение. 1909. Ч. 1. — 385–398 с.

6. *Бухбиндер И.А.* Из жизни Г. Гапона (По неизданным материалам) // Красный летописец. 1922. № 1. — 101–105 с.

7. *Вениамин (Федченков), митр.* Отец Иоанн Кронштадтский. СПб. — Кронштадт: Воскресение, 2000. — 949 с.

8. *Гапон Г.* История моей жизни. Серия: Российский летописец. М.: Книга, 1990. — 62, [2] с.

9. *Глубоковский Н.Н.* С.-Петербургская духовная академия во времена студенчества там Патриарха Варнавы. Сремски Карловци, 1936. — 51–95 с.

10. *Духонина Е.* Как поставил меня на путь спасения отец Иоанн Кронштадтский. Дневник духовной дочери. М., 1998.

11. *Пантелеимон, архим.* Жизнь, подвиги, чудеса и пророчества святого праведного отца нашего Иоанна Кронштадтского Чудотворца. Б.м. 1976. — 234 с.

12. Журналы заседаний Совета С.-Петербургской духовной академии за 1902/3 год (в извлечении). Приложение к журналу «Христианское чтение». СПб., 1903. — 362 с., VIII с.

13. *Зенько Ю.М.* Основы христианской антропологии и психологии. — СПб.: Речь, 2007. — 912 с.

14. *Иоанн (Зизиулас), митрополит.* Личность и бытие // Начало. СПб., 1998.

15. *Кавторин В.В.* Первый шаг к катастрофе: 9 января 1905 года. — Л.: Лениздат, 1992. — 428 с.

16. *Константин (Горянов), архим.* Жизнь и творчество Виктора Несмелова // Вестник Белорусского Экзархата. № 5, 1990, с. 32–36, № 6, 1991, с. 40–44.

17. *Константин (Горянов), еп.* Жизнь и творчество Виктора Несмелова // ЖМП, 1996, № 7, с. 55–62.

18. *Константин (Горянов), еп.* Опыт встречи. К столетию Религиозно-философских собраний // ЖМП, № 1, 2003, с. 64–71.

19. *Лосский В.* Догматическое богословие // Богословские Труды, Сб.8., М.: Издание Московской Патриархии, 1972. — 129–183 с.

20. *Несмелов В.И.* Наука о человеке. Т.1. Казань: Центр. тип., 1905. — 418 с., IV с.

21. *Половинкин С.М.* На изломе веков. О религиозно-философских собраниях 1901–1903 годов // Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901–1903 гг.) / Общ. ред. С.М.Половинкина. — М.: Республика, 2005. — 543 с.

22. *Сверчков Д.* Георгий Гапон. Опыт политической биографии. М., 1920.

23. *Свт. Игнатий Брянчанинов.* Крестоношение. Москва. 1999.

24. *Стрижев А.Н.* Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев. М.: Отчий дом, 1997. — 351 с.

25. Святой праведный Иоанн Кронштадтский: проповеди, воспоминания современников и родственников // Составители Шемякина С.И.,

Шпякина Г.Н. — М.: Издательский Совет РПЦ, 2002. — 384 с.

26. Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский. Воспоминания самовидцев/ Сост.: Орнатская Т.И. и др. М.: Отчий дом, 2004. — 782 с.

27. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология развития человека. Развитие субъективной реальности в онтогенезе. М.: Школьная пресса, 2000. — 416 с. (Основы психологической антропологии).

28. Соколов И.И. Иван Егорович Троицкий — «ипат византологов», его ученые труды и историческое значение // Христианское чтение. Т. 1. Февраль. 1904. — 306–316 с.

29. Феликс Г.А. Гапон и его общественная роль. СПб., 1906.

30. ЦГИА СПб. Ф.19. Оп. 115. Д. 430. Л. 9.

31. ЦГИА СПб. Ф.19. Оп. 97. Д. 46. Л. 18.

32. Шемякина С.И. Св. Иоанн Кронштадтский и семья Несвицких // Свято-Иоанновские чтения. Церковно-научная конференция. Вып. 1. Изд-во Леушинского подворья, СПб., 2001, с. 38–41.

*Архиепископ Тихвинский
Константин (Горянов),
ректор Санкт-Петербургской
духовной академии и семинарии,
академик РАЕН, профессор*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, осуществляющее подготовку священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословия, регентов церковных хоров и иконописцев.

На сайте академии

www.spbda.ru

- сведения о структуре и подразделениях академии;
- информация об учебном процессе и научной работе;
- события из жизни академии;
- сведения для абитуриентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии. Материалы распространяются на компакт-дисках и размещаются на сайте журнала в формате pdf.

На сайте журнала «Христианское чтение»

www.spbpda.ru

- электронный архив номеров в свободном доступе;
- каталоги журнала по годам издания и по авторам;
- требования к рукописям, подаваемым в журнал.